

УДК 331:338.45:621(571.14)«1941/45»
ББК 65.305.4 + 65.9(253.3)
DOI 10.17150/2308-2588.2015.16(2).271-296

Р. Е. Романов

*Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: НОРМЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются нормативное и реальное измерение государственной мобилизационной политики по стимулированию и ограничению социально-профессиональных перемещений населения СССР во втором полугодии 1940 — первом полугодии 1945 г. Доказано, что попытка жесткого регулирования данного вида мобильности привела к усилению ее стихийности, существенным образом снизившей эффективность централизованного управления трудовыми ресурсами накануне и в годы войны.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, трудоспособное население, трудовая мобильность, мобилизационное регулирование.

Финансирование. Грант Российского научного фонда (проект № 14-18-01725 «Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.»).

R. E. Romanov

*Institute of History SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation*

REGULATION OF THE USSR POPULATION LABOR MOBILITY ON THE EVE AND IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: STANDARDS AND REALITY

Abstract. The article presents the standard and real estimation of the national mobilization policy on encour-

agement and restriction of social and occupational flows of the USSR population in the 1940–1945s. It has been proved that the attempt of heavy regulation of such mobility led to intensification of its spontaneity only, which significantly blunted the efficiency of centralized labor force administration on the eve and during the Great Patriotic War.

Keywords. The Great Patriotic War, able-bodied population, labor mobility, mobilization regulation.

Характерной особенностью экономической модернизации в СССР являлся мобилизационный подход к осуществлению крупных индустриально-урбанистических проектов, имевших ключевое значение для хозяйственного развития и обеспечения безопасности страны. На практике наиболее масштабно и глубоко этот подход был применен советским государством накануне и в годы Великой Отечественной войны. Одним из направлений его реализации в рассматриваемый период являлось использование мобилизации в качестве механизма решения кадровой проблемы в народном хозяйстве. Данный механизм применялся для привлечения трудовых ресурсов в оборонно-промышленный комплекс, смежные с ним отрасли и закрепления там рабочей силы. Первая задача решалась за счет призыва незанятого населения на производство и перевода рабочих и специалистов с одних предприятий на другие, вторая — запрета на самостоятельную смену места работы. Органы государственной власти стремились максимально стимулировать организованные и ограничить стихийные перемещения людских ресурсов, связанные с их занятостью в военной экономике. Реализация таких установок на практике позволяет охарактеризовать обозначенные выше меры по преодолению кадрового голода как попытки мобилизационного регулирования трудовой мобильности в условиях создания и развития военно-хозяйственного тыла, восстановления освобожденных районов страны. При этом пред-

ставляется актуальным реконструировать данный процесс в его нормативном и реальном измерении.

В отечественной исторической науке мобилизация трудового потенциала, проводившаяся в СССР в первой половине 1940-х гг., традиционно изучалась как основная форма государственной кадровой политики в сфере военно-промышленного производства. В центре внимания советских экономистов [1; 8; 15] и историков [6; 9; 10] находились различные каналы организованного комплектования заводских коллективов. В частности, проанализированы нормативно-правовая база и отраслевая направленность мобилизационных кампаний, динамика численности и состав призванных контингентов, в том числе их перемещение из деревни в город, из сельского хозяйства и сферы обслуживания в промышленность, строительство и транспорт. Что касается закрепления рабочей силы с помощью включения уголовных норм в трудовое законодательство, то этот «неудобный» для официальной историографии вопрос освещался мимоходом. В целом исследователи подчеркивали, что применение мобилизационных законов военного времени способствовало значительному пополнению рабочего класса и улучшению кадровой ситуации в народном хозяйстве.

В современной российской историографии мобилизационные мероприятия по комплектованию и борьбе с текучестью рабочих кадров накануне и в годы войны стали предметом анализа в трудах по изучению истории создания и развития чрезвычайных органов власти [4], развития индустриальной экономики [13], в том числе отраслей оборонной промышленности [11], формирования и использования людского потенциала [7], репрессивной политики [12], мотивации труда рабочих и колхозников в прифронтовых и тыловых регионах страны [14]. Отдельно следует отметить специальные исследования, в которых дана характеристика и оценка мобилизационной модели советского обще-

ства [3], а также различным аспектам организации и проведения трудовых мобилизаций в 1941–1945 гг. [2; 5]. В частности, комплексно проанализированы законодательные акты, регулировавшие применение мобилизационных механизмов, детально показаны их правоприменительные практики как инструменты принудительного стимулирования занятости населения и наказания нарушителей производственной дисциплины. Показаны перемещение трудовых ресурсов из второстепенных в ведущие отрасли народного хозяйства, массовое привлечение рабочих и служащих к уголовной ответственности за дисциплинарные проступки. При этом исследователи отмечали, что мобилизационные «технологии» решения кадровой проблемы привели к милитаризации труда, что являлось одной из причин низкой эффективности экономической системы «зрелого сталинизма».

Историографический анализ проблемы мобилизации гражданского населения, в том числе рабочих и специалистов, предвоенного и военного периода показал, что отечественные исследователи изучали данное явление в контексте экономической истории. Последнее обстоятельство обусловило взгляд историков и экономистов на мобилизационные меры советского государства как основной, но малоэффективный способ регулирования социально-трудовых отношений, наиболее широко применявшийся во время Гражданской и Великой Отечественной войн, послевоенного восстановления страны. Не умаляя научную ценность данных выводов, отметим, что на сегодняшний день назрела необходимость в новом осмыслении данного исторического опыта с помощью теоретических разработок не только экономической, но и социологической науки. Исследование феномена мобилизации на трудовом фронте на междисциплинарном стыке истории, экономики и социологии позволяет интерпретировать этот опыт с точки зрения теории социальной мобиль-

ности. Такая интерпретация побуждает исследователя к поиску ответа на вопросы о том, какова была идеальная модель стимулирования и ограничения перемещений трудоспособного населения на рабочие места, а также насколько она была воплощена в жизнь с учетом реалий военного времени.

В советский период мобилизационные механизмы регулирования мобильности были впервые задействованы в годы Гражданской войны. В это время большевистское правительство пошло по пути введения трудовой повинности, создания трудовых армий, применения репрессий против нарушителей производственной дисциплины. В частности, практиковались мобилизации крестьян, неработающих горожан, красноармейцев, рабочих и специалистов на восстановление промышленных объектов, транспортных путей и лесозаготовки. Уклонение от призыва или самовольный уход с места работы рассматривались как уголовное преступление. После отмены этих мер в начале НЭПа, большевики продолжали эксплуатировать мобилизационный принцип в ходе кампаний по направлению коммунистов на руководящую работу в деревню. В конце 1920-х гг. в условиях набиравшей обороты индустриализации этот принцип приобрел еще большую актуальность в связи организованным привлечением специалистов на предприятия и стройки. Примерно с этого момента берут начало Всесоюзные ударные стройки, на которые по путевкам комсомола шла молодежь. Кроме того, повсеместно проводились мобилизации коммунистов и комсомольцев на важнейшие участки хозяйственного строительства. Угроза новой мировой войны побудила высшее руководство СССР к проведению на отдельных оборонных заводах экспериментов по внедрению воинской дисциплины на производстве. В феврале 1939 г. Комитет обороны подготовил «Положение о военизированном предприятии», согласно которому на рабочих и ИТР, выпускавших

вооружение и боеприпасы, распространялись нормы дисциплинарного устава РККА. Последнее означало, что самостоятельно ушедшие с предприятия работники рассматривались как «дезертиры» и попадали под юрисдикцию военного трибунала. Следовательно, к началу Второй мировой войны советским государством был накоплен разнообразный опыт мобилизации трудовых ресурсов, учтенный при дальнейшей разработке законодательства по управлению социально-профессиональными перемещениями населения.

Мобилизационное регулирование трудовой мобильности: формирование нормативно-правовой базы

Вторая мировая война не сразу стала катализатором принятия и вступления в силу нормативно-правовых актов, призванных жестко регламентировать трудовые перемещения советских граждан в интересах государства. Во время боевых действий в Польше, Скандинавии и Западной Европе высшее руководство страны продолжало делать ставку на преимущественно «мягкое» регулирование мобильности населения (органбор, трудовые книжки, самозакрепление на производстве и т. п.). При этом мобилизации (в основном так называемый общественный призыв) играли второстепенную роль в решении кадровой проблемы. Перелом наступил в конце июня 1940 г., когда фашистская Германия установила полный контроль над странами континентальной Европы и возникла очевидная перспектива ее нападения на СССР. Осознание данного факта вынудило власть прибегнуть к расширению и ужесточению мобилизационных мер в сфере трудовых отношений. В результате накануне и в начальный период Великой Отечественной войны был введен в действие ряд законодательных и подзаконных актов, превративших эти меры в основные рычаги управления передвижением людских ресурсов как в географическом, так и социально-профессиональном пространстве.

Данный сегмент советского законодательства включал указы Президиума Верховного Совета (ПВС) и постановления Совета Народных Комиссаров (СНК), ограничивавшие стихийную и стимулировавшие организованную мобильность административными и репрессивными методами. Основной правовой базой для борьбы с текучестью кадров на производстве являлись Указ ПВС от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и Указ ПВС от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»¹. Первым законом государство запретило трудящимся самостоятельно менять место работы и рассматривало подобный поступок как несущественное уголовное правонарушение, за которое полагалось от двух до четырех месяцев тюремного заключения. Вместе с тем, у заводского персонала оставались возможности для ухода с предприятия на пенсию или учебу, по болезни или инвалидности. Второй закон переводил работников оборонных заводов на положение мобилизованных. На этом основании самовольная смена рабочего места была переклассифицирована из несущественного в серьезное уголовное преступление, приравненное к дезертирству, каравшемуся пяти – восьмилетним сроком лишения свободы. В целом к концу 1941 г. мобилизационный механизм обуздания хаотичного движения трудовых ресурсов достиг максимального восходящего развития. В последующие годы войны произошло расширение сферы применения жестких мер по ограничению стихийной мобильности рабочей силы за счет гражданских отраслей. Кроме того, органа-

¹ Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов (1917–1957 гг.): в 4 т. М., 1957. Т. 1. (1917–1941). С. 637; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967): сб. документов. М., 1968. Т. 3. С. 34.

ми власти предпринимались попытки по исправлению недостатков в практике реализации Указа от 26 декабря 1941 г. Окончательно данный указ был отменен в 1948 г.

Законодательная база организованной трудовой мобильности подразделялась на нормативные акты по проведению призывов неработающего населения на предприятия, молодежи — в гострудрезервы и по переводу трудящихся с одного места работы на другое. В случае с призывами речь идет об Указе ПВС от 2 октября 1940 г. «О создании государственных трудовых резервов», Постановлении СНК от 30 июня 1941 г. о создании Комитета по распределению рабочей силы и Указе ПВС от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»¹. Согласно Указу о гострудрезервах в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО призывались юноши и девушки в возрасте от 14 до 18 лет. Воспитанники данных учебных заведений считались мобилизованными, что позволяло государству направлять их после освоения профессии в ведущие отрасли народного хозяйства. Принятие в первые дни войны постановления об образовании при СНК Комитета по распределению рабочей силы способствовало расширению сферы мобилизационного регулирования социально-профессиональных перемещений. С этого момента под призыв на предприятия попадали не только молодые люди, но и все остальное неработающее трудоспособное население. Указом от 13 февраля 1942 г. устанавливались отрасли промышленности (авиа- и танкопром, производство вооружения и боеприпасов, металлургия, хим- и топливпром), в которые, в первую очередь, вовлекались рабочие руки, половозрастной состав призывного контингента (мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до

¹ Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. С. 654–655; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. С. 164.

45 лет), исключительные полномочия СНК по определению порядка, сроков и размеров мобилизаций, условия освобождения (призыв в гострудрезервы, наличие детей до восьми лет, обучение в вузах и ссузах) и уголовная ответственность за уклонение от призыва (принудительные работы до года). Вступление в силу Указа от 13 февраля 1942 г. завершило процесс юридического оформления трудовой мобилизации в качестве ведущего механизма организованного привлечения людских ресурсов в оборонно-промышленное производство. В целом призывные кампании являлись основным инструментом политики высших органов власти по стимулированию принудительной мобильности незанятых горожан и селян в интересах развития военной экономики вплоть до прекращения их проведения в июле 1945 г.

В условиях запрета на свободное изменение места работы регулирование подобных перемещений осуществлялось в соответствии с Указом ПВС от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие»¹ и Постановлением СНК от 23 июля 1941 г. «О предоставлении совнаркомам республик и край(обл)исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу»². Согласно первому нормативному акту правом перебрасывать высококвалифицированную рабочую силу и специалистов на иные участки хозяйственного строительства наделялись руководители союзных наркоматов. Отказ от смены рабочего места приравнивался к самовольному уходу с предприятия, который преследовался по Указу от 26 июня 1940 г. В начале войны полномочия по переводу работ-

¹ Викитека [Электронный ресурс] : свободная библиотека. — Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (Дата обращения 21.06.2015).

² Исторические материалы [Электронный ресурс] : сайт. — Режим доступа : <http://istmat.info/node/24385> (Дата обращения 21.06.2015).

ников на другие производственные объекты получили республиканские наркомы, исполкомы областных и краевых советов. В данном случае уклонение от профессиональных перемещений также рассматривалось как уголовное правонарушение. Наряду с призывом неработающего населения на производство, организованное меж- и внутриотраслевое передвижение рабочих и инженерно-технических кадров являлось одним из рычагов управления трудовыми потоками на общесоюзном, республиканском и региональном уровнях.

Таким образом, в период с 26 июня 1940 по 13 февраля 1942 г. в СССР была сформирована нормативная основа государственной мобилизационной политики, отражавшая идеальную модель регулирования социально-профессиональной мобильности населения в условиях предвоенного и военного времени. Ее ключевым компонентом служил контроль властей за движением рабочей силы в масштабах всей страны, исключавший в данном случае проявление стихийной индивидуальной инициативы.

Мобилизационное регулирование трудовой мобильности: достижения и просчеты политики стимулирования

Одной из причин интенсивного развития механизмов мобилизационного регулирования трудовой мобильности в первой половине 1940-х гг. стало обострение кадровой проблемы в советской индустрии. Данное явление было вызвано сокращением производственного персонала, обусловленным оккупацией основных промышленных районов страны, воинскими мобилизациями и эвакуацией. С 1940 по 1942 г. общая численность рабочих и служащих в СССР уменьшилась с 31,2 до 18,4 млн. В этот же период в тыловых регионах за счет привлечения незанятого населения на предприятия она увеличилась с 11,6 до 12,0 млн. По мере хозяйственного восстановления освобожденных территорий возобновился рост рабочего класса в целом. К 1945 г. ко-

личество трудящихся выросло до 27,3 млн, в том числе в глубоком тылу — 13,1 млн¹. В 1941–1943 гг. положительная динамика численности рабочих и служащих имела место в восточных и юго-восточных регионах СССР, в 1944–1945 гг. — западных, северо-западных и центральных. Ее географические особенности позволяют понять, какие районы страны в то или иное время лидировали по числу социально-профессиональных перемещений, связанных с мобилизациями.

С учетом возрастания потребностей советской экономики в рабочей силе попытаемся оценить роль мобилизаций в стимулировании организованной мобильности трудовых ресурсов. В частности, на ее объем и интенсивность влияли призывы неработающих женщин на предприятия, юношей и девушек до 18 лет — в гострудрезервы, мужчин, не пригодных к военной службе — в рабочие колонны, значительной части незанятых горожан и селян — на сезонные работы. С ноября 1940 по июль 1945 г. в отрасли народного хозяйства в организованном порядке поступило 15,6 млн человек, в том числе на предприятия — 3,1 млн, в гострудрезервы — 3,4 млн, стройбатальоны и рабочие колонны — 2,3 млн, на сезонные работы — 6,75 млн (табл. 1). При этом в рассматриваемый период имела место тенденция к росту численности мобилизованного гражданского населения. Если в 1940 г. она составляла 0,6 млн, то в 1944 г. — 4,5 млн человек. Увеличение динамики вынужденных трудовых перемещений было связано с развитием их мобилизационных механизмов. В конце 1940 — первой половине 1941 г. данные перемещения обуславливались исключительно вовлечением молодых людей в производство через ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО. Во второй половине 1941 г. в мобилизационную работу включились Комитет по распределению рабо-

¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : стат. сб. М., 1990. С. 17.

чей силы и Наркомат обороны. В это время более 90% организованных поступлений на новые рабочие места пришлось на военнообязанных и несовершеннолетнюю молодежь. В 1942 – первой половине 1945 г. наибольшее число управляемых передвижений людских ресурсов обуславливалось мобилизацией неработающего населения на постоянную или сезонную работу. В данный период их доля составляла от 66,2 до 89,9 % мобилизованных контингентов, ежегодно вливавшихся в военную экономику. Одновременно в развитии трудовой мобильности существенно снизилась роль призывов в гострудрезервы и рабочие колонны. Основное значение в ее стимулировании приобрели призывные кампании, проводимые Комитетом по учету и распределению рабочей силы. За годы войны по разнарядкам Комитета СНК направил в промышленность, строительство, на транспорт, полевые и лесозаготовительные работы около 10 млн человек или свыше 60 % от общего объема регулируемых трудовых потоков.

Таблица 1

Объемы и динамика организованной трудовой мобильности населения в СССР в 1940–1945 гг., тыс. чел.

Год	Всего мобилизовано		В том числе							
	Абс.	%	На предприятия		В гострудрезервы		В стройбатальоны и рабочие колонны		На сезонные работы	
			Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1940	602,0	100	-	-	602,0	100	-	-	-	-
1941	1 536,8	100	120,8	7,9	688,0	44,8	728,0	47,4	нет данных	нет данных
1942	3 010,1	100	733,9	24,4	826,0	27,4	54,6	1,8	1 395,6	46,4
1943	4 422,2	100	890,7	20,1	770,6	17,4	721,8	16,3	2 039,1	46,1
1944	4 514,5	100	1 113,3	24,7	499,8	11,1	674,2	14,9	2 227,2	49,3
1945 (7 мес.)	1 515,6	100	272,4	18,0	25,0	1,6	128,9	8,5	1 089,3	71,9
Всего	15 601,2	100	3 131,1	20,1	3 411,4	21,9	2 307,5	14,8	6 751,2	43,3

Составлено по: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9507. Оп. 1. Д. 211. Л. 7; Ф. 9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 85, 86.

Следует также охарактеризовать объемы и интенсивность трудовых перемещений в экономических районах СССР. В период действия Указа от 13 февраля 1942 г. было зафиксировано более 11 млн таких перемещений (табл. 2). В данном случае мобильность населения в основном развивалась на Востоке и Юго-Востоке, в Центре и Западе. Первый ареал охватывал пространство от Волги до Тихого океана, где базировался военно-хозяйственный тыл Красной армии. Для его обеспечения рабочей силой советское правительство направило в производство 4,8 млн человек или две пятых всего мобилизационного контингента. Второй ареал включал Карело-Финскую ССР, Прибалтику, Белоруссию, Украину, Молдавию, западные и северо-западные области РСФСР, которые после освобождения подлежали экономическому восстановлению. Чтобы решить эту задачу центральные органы власти привлекли на предприятия и стройки 6,1 млн или около половины всего мобилизованного трудового потенциала. При этом если на востоке страны его мобильность активизировалась преимущественно в 1942–1943 гг., то в центре и на западе — в 1944 — первой половине 1945 г. Следовательно, на протяжении войны произошел направляемый сверху сдвиг основной массы поступлений на вакантные рабочие места из тыловых в освобожденные районы страны.

Важным показателем регулирования мобильных потоков рабочей силы являлось их преимущественное направление в отрасли промышленного производства, установленные Указом от 13 февраля 1942 г. В целом за 1942 — первую половину 1945 г. за счет трудовых мобилизаций советская тяжелая промышленность получила 2,8 млн человек (табл. 3). Почти три четверти перемещений, связанных с организованным трудоустройством, приходилось на угле- и нефтедобычу, металлургию, производство боеприпасов, вооружения, авиационную, танковую и химическую промышленность. В оборонную индустрию в 1942 г. поступило 46,1 % мобилизо-

ванных работников, а в 1944 г. — 20,5 %, в топливную — 17,3 и 33,3 %, металлургическую — 20,7 и 24,1 %, химическую — 2,3 и 2,0 %, прочие — 13,6 и 18,1 %. Динамика этих показателей отражает особенности изменения отраслевого вектора управляемой мобильности трудовых ресурсов. Если в начальный период войны советское государство привлекало рабочие руки в основном в целях развития выпуска продукции для фронта, то в ее завершающий период — мирного хозяйственного строительства. Этим объясняется сокращение интенсивности замещения вакансий новыми работниками в оборонных отраслях промышленности и соответственно ее увеличение — в гражданских.

Таблица 2

Объем организованной трудовой мобильности населения по экономическим районам СССР с февраля 1942 по июль 1945 г., тыс. чел.

Район	Всего		Непосредственно на предприятия		В гос-струд-резервы		На сезонные работы	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Запад	2 060,5	18,1	885,2	31,2	182,1	8,7	993,2	15,3
Северо-Запад	687,9	6,0	60,8	2,1	81,4	3,9	545,7	8,4
Центральный	2 897,9	25,4	453,2	16,0	381,8	18,3	2 062,9	31,8
Центрально-Черноземный	501,6	4,4	138,9	4,9	79,4	3,8	283,3	4,4
Волго-Вятский	1 060,0	9,3	155,3	5,5	152,4	7,3	752,3	11,6
Северо-Кавказский	335,2	2,9	165,8	5,8	65,1	3,1	104,3	1,6
Закавказский	164,9	1,4	64,5	2,3	60,7	2,9	39,7	0,6
Поволжский	1 099,4	9,6	243,0	8,6	278,1	13,3	578,3	8,9
Уральский	1 099,2	9,6	218,3	7,7	292,2	14,0	588,7	9,1
Западно-Сибирский	494,2	4,3	129,5	4,6	174,1	8,4	190,6	2,9
Восточно-Сибирский	321,2	2,8	85,1	3,0	83,0	4,0	153,1	2,4
Средне-азиатский	552,3	4,8	217,8	7,7	212,0	10,2	122,5	1,9
Дальне-восточный	128,4	1,1	22,0	0,8	41,1	2,0	65,3	1,0
Всего по СССР	11 402,7	100,0	2 839,4	100,0	2 083,4	100,0	6 479,9	100,0

Составлено по: ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 82–84.

Таблица 3

**Организованная трудовая мобильность населения
в отрасли тяжелой промышленности СССР
с февраля 1942 по июль 1945 г., тыс. чел.**

Отрасли	1942		1943		1944		7 мес. 1945		Всего	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Оборонные	212,5	46,1	308,4	28,8	22,2	20,5	56,3	29,8	798,9	28,5
В том числе										
Авиационная	58,8	12,8	49,0	4,6	30,2	2,8	8,8	4,7	146,7	5,2
Танковая	19,2	4,2	46,2	4,3	44,8	4,1	10,2	5,4	120,4	4,3
Вооружения	31,9	6,9	69,5	6,5	39,7	3,7	5,9	3,1	147,1	5,2
Боеприпасов	54,7	11,9	83,2	7,8	53,9	5,0	13,9	7,4	205,7	7,3
Прочие	47,9	10,4	60,5	5,6	53,7	5,0	17,5	9,3	179,0	6,4
Гражданские	248,0	53,9	763,8	71,2	861,9	79,5	132,6	70,2	2015,0	71,8
В том числе										
Топливная	79,5	17,3	314,6	29,3	361,4	33,3	37,9	20,0	803,4	28,6
Металлургическая	95,4	20,7	244,5	22,8	261,0	24,1	57,3	30,3	658,1	23,5
Химическая	10,5	2,3	33,4	3,1	21,6	2,0	2,2	1,2	67,7	2,4
Прочие	62,6	13,6	171,3	16,0	218,0	20,1	34,2	18,1	485,9	17,3
Тяжелая промышленность	460,5	100,0	1 072,2	100,0	1 084,1	100,0	188,9	100,0	2 805,7	100,0

Составлено по: ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 118.

Взятые на вооружение государством мобилизационные механизмы позволили увеличить объем вынужденной трудовой мобильности, придать ей необходимую территориальную и отраслевую направленность. Однако, несмотря на крупномасштабность и целевой характер призывных кампаний, советское правительство не смогло полностью решить кадровую проблему. В 1942 – первой половине 1945 г. ему удалось добиться заполнения 85,0 % плановых рабочих вакансий, в том числе в промышленности, строительстве и транспорте – 72,6 %¹. Постоянный дефицит кадров создавал

¹ ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 80.

условия для сохранения вольного найма, порождавшего хаотичные перемещения горожан и селян, занятых самостоятельным поиском работы. В 1943–1944 гг. в РСФСР из сельских районов в города прибыло 4 млн новоселов призывного возраста (по Указу от 13 февраля 1942 г.), в том числе в организованном порядке — 0,82 млн или 20,5 %¹. То есть, в период проведения самых интенсивных призывов на предприятия мобилизованные селяне составляли пятую часть зарегистрированных трудоспособных мигрантов, переехавших из деревни в промышленные центры самой крупной союзной республики. Потенциальные возможности для стихийного трудоустройства граждан существовали и в городских поселениях. В 1943–1944 гг. Комитетом по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР было зафиксировано 1,2 млн неработающих горожан, из которых общественно полезному труду было привлечено 0,6 млн². Вторая половина учтенного контингента была либо освобождена от мобилизации по состоянию здоровья или из-за наличия малолетних детей, либо уклонилась от нее путем самовольного поступления на работу или смены места жительства.

Следовательно, основным достижением государственной политики по стимулированию мобильности трудовых ресурсов являлось управление ими в интересах развития тех или иных экономических районов и производственных отраслей с учетом реалий военного времени. Главным же ее просчетом стала вера в достижение полного контроля за их передвижением, оказавшегося иллюзорным и несостоятельным. Подобная проблема обострялась еще глубже при попытках государства ограничить спонтанное движение рабочей силы в условиях экстремальной повседневности.

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 467. Л. 1; ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 86–88.

² ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1. Д. 23. Л. 14.

Мобилизационное регулирование трудовой мобильности: провал политики ограничения

Накануне и в годы войны применение мобилизационных механизмов регулирования социально-профессиональных перемещений было обусловлено не только необходимостью привлечения незанятого населения в народное хозяйство, но и закрепления работников на производстве. Речь шла о борьбе государства с несанкционированным передвижением трудовых ресурсов. В качестве основной меры по его ограничению высшее советское руководство избрало уголовное преследование трудящихся, самовольно отставлявших рабочие места. В рассматриваемый период по Указу от 26 июня 1940 г. было осуждено около 1,4 млн человек, по Указу от 26 декабря 1941 г. — 0,84 млн. Общая численность рабочих и служащих, оказавшихся под судом, превысила два миллиона человек [12]. В целом проблема ограничения стихийной незаконной трудовой мобильности носила весьма обостренный характер. Главная причина этого негативного явления заключалась в тяжелой адаптации мобилизованных работников к условиям труда и быта военного времени.

Учитывая репрессивную практику противодействия хаотичному движению рабочей силы, попытаемся ответить на следующий вопрос: позволял ли данный мобилизационный механизм ограничить ее нелегитимное перемещение? К последнему относился уход с места работы, который не был обусловлен увольнением в связи с выходом на пенсию или получением образования, болезнью или инвалидностью. О динамике незаконных передвижений свидетельствуют обобщающие сведения по промышленности боеприпасов (табл. 4). Несмотря на применение уголовных мер, в данной отрасли при увеличении общей текучести кадров вырос удельный вес самовольных уходов. Из работников, ушедших с предприятий Наркомата боеприпасов за первые пять месяцев 1941 г., трудовое законодательство нарушил

лишь каждый двадцать пятый, за 1943 г. — пятый, за 1944 г. — третий. В результате доля «дезертиров» в составе уволенного персонала выросла в девять раз. В первые два военных года количество незаконных трудовых перемещений существенно увеличилось в связи с возросшим притоком людских ресурсов на производство и их обратным оттоком. В конце войны «дезертирство» продолжало расти уже вопреки уменьшению общей мобильности рабочей силы. Данная ситуация наглядно демонстрировала полную неэффективность политики по регулированию ее потоков в одной из важнейших отраслей советского военпрома.

Таблица 4

**Объем и динамика трудовой мобильности
 (в том числе стихийной незаконной)
 в промышленности боеприпасов СССР в 1941–1944 гг.**

Период	Прибыло, тыс. чел.		Убыло, тыс. чел.			
	абс.	%	всего		в том числе самовольные уходы	
			абс.	%	абс.	%
1941 (январь – май)	36,9	100,0	28,4	77,0	1,1	3,0
1942 (1-е пол.)	104,6	100,0	61,0	58,3	нет данных	нет данных
1943	69,0	100,0	64,2	93,0	13,3	19,3
1944	51,0	100,0	54,5	106,5	19,4	38,4

Составлено по: РГАЭ. Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1396. Л. 52.

В других отраслях оборонной промышленности положение было не менее напряженным. За первые девять месяцев 1942 г. на авиационные предприятия поступило 187 тыс. человек, в том числе по мобилизации — 108 тыс. Из числа новых рабочих на производстве закрепилось 130 тыс., а остальные 57 тыс. выбыли из-за призыва армию, болезней, инвалидности и самовольных уходов. При этом, лишь с апреля по июль 1942 г. количество прогульщиков и «дезертиров» на авиазаводах выросло с 5,0 до 9,5 тыс.¹ С 1 января 1942 по

¹ РГАЭ. Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 4467. Л. 303.

1 февраля 1943 г. промышленность вооружения получила 100 тыс. человек, из которых за этот же период самовольно ушло с предприятий отрасли 25 тыс.¹ О высоком объеме «обратной» мобильности трудовых ресурсов свидетельствовали данные из отчета Комитета по учету и распределению рабочей силы за 1943 и пять месяцев 1944 г. «Ежемесячно в основные отрасли промышленности Комитетом, НКО и ГУТР направляется свыше 100 тыс. рабочих, но в связи с текучестью закрепляется из них на производстве лишь 15–25 %»², – констатировалось в документе, подписанном главой Комитета Н. Шверником. Из этой сухой констатации следовало, что за полтора отчетных года в военную индустрию было призвано не менее 1,7 млн человек, из которых в итоге выбыло 1,3–1,4 млн. Приведенная цитата скрывала по истине гигантский масштаб проблемы, порожденной неспособностью государственной машины контролировать дальнейшие перемещения мобилизованного гражданского населения.

На фоне плачевных результатов борьбы с текучестью кадров объемы последней внутри отдельных отраслей отличались значительной региональной неравномерностью. Например, данное явление имело место в резиново-каучуковой промышленности (табл. 5). В 1943 – первом квартале 1944 г. с ее предприятий, расположенных в Москве, Ярославле и Казани, убыло 4,2 тыс. человек или примерно две пятых от средней численности рабочих. На самовольные уходы, которые совершили около 10 % трудящихся, приходилась четверть всех случаев увольнения с производства. На казанских заводах доля таких уходов была заметно выше, чем на московских и ярославских. Подобная ситуация обуславливалась тем, что в восточных районах страны социальные проблемы военного

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 225. Л. 64.

² ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.

времени носили более обостренный характер, чем в центральных регионах.

Таблица 5

**Объем стихийной трудовой мобильности
 в резиново-каучуковой промышленности
 в 1943 – первом квартале 1944 г.**

Предприятия	Численность рабочих		Количество убивших		В том числе самовольно оставили работу	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
По Москве						
Завод «Красный богатырь»	3 619	100,0	1 245	34,4	280	7,7
Завод № 145	484	100,0	288	59,5	45	9,3
<i>Итого</i>	4 103	100,0	1 533	37,4	325	7,9
По Ярославлю						
Завод № 736	4 423	100,0	1 473	33,3	328	7,4
Завод № 739	1 184	100,0	451	38,1	130	11,0
<i>Итого</i>	5 607	100,0	1 924	34,3	458	8,2
По Казани						
Завод № 741	1 154	100,0	516	44,7	161	13,6
Завод № 623	273	100,0	265	97,0	137	50,2
<i>Итого</i>	1 427	100,0	781	54,7	298	20,9
<i>Всего по трем городам</i>	11 137	100,0	4 238	38,1	1 081	9,7

Составлено по: РГАЭ. Ф. Р-5451. Оп. 26. Д. 316. Л. 65.

Тем не менее, «дезертирство» являлось лишь одной из разновидностей мобильности рабочей силы, приводившей к кадровым потерям в военной экономике. В первой половине 1940-х гг. отток людских ресурсов с производства обуславливался также другими видами перемещений, связанными как со сменой места работы, так и причинами, не имевшими отношения к дальнейшему развитию трудовой карьеры. В частности, в 1943 г. в электрослаботочной промышленности было принято на работу 18,7 тыс. человек, уволено – 13,6 тыс. (табл. 6). В данном случае на самовольные уходы, аресты и уголовные наказания «дезертиров» приходилось примерно две тысячи случаев

увольнения или 15,1 %. Около 3,6 тыс. рабочих, то есть более четверти, ушли с предприятий по разрешению руководства, вступавшему в противоречие с действовавшим законодательством. Почти восемь тысяч работников или свыше половины уволенных выбыли в силу законных обстоятельств — перевода на другие заводы, инвалидности, болезни или непригодности к выполнению производственных заданий, призыва в армию, ухода на учебу. При этом организованные переводы по решениям Наркомата электропромышленности составляли около 12 % всех «обратных» перемещений. Следовательно, в большинстве случаев такая мобильность не соответствовала интересам развития электротехнической отрасли. Данный пример красноречиво отражал совокупность причин, порождавших системный сбой в функционировании механизмов по ограничению убывания мобилизованных трудовых ресурсов с производства.

Таблица 6

**Виды «обратной» мобильности рабочей силы
в электрослаботочной промышленности СССР
в 1943 г., чел.**

Причины увольнений	Абс.	%
Перевод на другие предприятия	1 601	11,8
Инвалидность или болезнь	1 621	11,9
Непригодность к работе	441	3,2
Уход в РККА	3 274	24,1
Уход на учебу	1 016	7,5
Уход с разрешения администрации	3 578	26,4
Самовольный уход	1 378	10,2
Арест	40	0,3
Приговор суда	624	4,6
<i>Всего</i>	13 573	100,0

Составлено по: РГАЭ. Ф. Р-5451. Оп. 26. Д. 316. Л. 100.

В целом причины провала государственной политики по ограничению мобильности рабочей силы в рассматриваемый период сводились к невозможности контролировать основную массу перемещений, зача-

стю не связанных с продолжением профессиональной биографии трудящихся. Иллюзия контроля, пронизывавшая действовавшее законодательство, при ее воплощении в жизнь быстро превратилась в «ахиллесову пяту» системы мобилизационного регулирования трудовых потоков в условиях войны.

* * *

Накануне и в годы Великой Отечественной войны в условиях реализации крупномасштабных хозяйственных мероприятий по укреплению обороноспособности, а затем — восстановлению довоенного экономического потенциала страны советское государство предприняло попытки по существенному усилению регулирования мобильности трудовых ресурсов. Суть данных попыток заключалась в создании и развитии механизмов централизованного управления социально-профессиональными перемещениями людских масс для обеспечения рабочей силой ведущих отраслей народного хозяйства. В связи с этим в период с середины 1940 до начала 1942 г. высшими органами власти была оформлена нормативно-правовая база по широкому внедрению мобилизационных методов комплектования и закрепления кадров на производстве. В целом она представляла совокупность законодательных норм, призванных заменить в основном свободное и стихийное передвижение занятого населения на новые рабочие места, а занятого — между рабочими местами, на преимущественно несвободное и организованное. Предполагалось, что данная задача будет решена за счет установления административного и репрессивного контроля за массовыми трудовыми потоками.

Вместе с тем, повседневные реалии предвоенного и военного времени внесли свои существенные коррективы в практику жесткой регламентации социально-трудовой мобильности в масштабах всей страны.

В связи с этим советскому руководству в рассматриваемый период удалось добиться поставленных целей лишь частично. Использование различных мобилизационных каналов позволило в значительной степени увеличить динамику организованного и несвободного поступления неработающих горожан и селян в народное хозяйство, а также с учетом изменявшихся условий последовательно активизировать его в тех или иных экономических районах и отраслевых комплексах. Благодаря данному процессу было замещено абсолютное большинство плановых вакансий в быстро растущем военном и восстанавливавшемся гражданском секторе экономики, но без кардинального решения кадровой проблемы.

Но на этом достижения советской государственной машины в области мобилизационного регулирования движения рабочей силы по существу и заканчивались. Несмотря на стремление направлять и контролировать это движение из «единого центра», власти так и не удалось минимизировать внеплановые людские потоки. Напротив, за военные годы резко возросли как законные, так и незаконные перемещения работников из производства, обусловленные комплексом многообразных факторов (мобилизации в РККА, профессиональная заболеваемость, материальные лишения и т. д.). Незаконные уходы с предприятий, связанные с «дезертирством» или увольнением по договоренности с начальством, составляли в ряде отраслей промышленности существенную долю зафиксированных случаев текучести кадров. В то же время плановый перевод рабочих и специалистов с одних заводов на другие не играл значимой роли в их передвижении на новые профессиональные или социальные позиции.

Таким образом, накануне и в годы Великой Отечественной войны трудовая мобильность населения СССР была представлена двумя диаметрально противоположными процессами. С одной стороны, госу-

дарство проводило интенсивную мобилизацию трудового потенциала в различные сферы экономики и отчасти обеспечивало ее кадрами. С другой стороны, основная масса подготовленных из этого потенциала кадров не закреплялась и выбывала из производственных отраслей. Отсутствие реального контроля над перемещениями мобилизованных работников приводило к тому, что попытки мобилизационного регулирования трудовых потоков лишь усиливали их стихийность. Данный феномен сверхмобильного общества, достигший своего апогея в СССР в первой половине 1940-х гг., существенным образом снижал эффективность государственной политики по управлению трудовыми ресурсами в интересах достижения победы над фашистской Германией и ее союзниками. По существу, этот феномен ярко демонстрировал слабые места «сталинской тоталитарной системы», которые в перспективе привели ее к быстрому историческому финалу.

Список использованной литературы

1. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны / Н. А. Вознесенский. — М.: Госполитиздат, 1947. — 192 с.
2. Гончаров В. А. Трудовая мобилизация советских граждан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / В. А. Гончаров // Вестник Омского государственного университета. — 2006. — № 6. — Т. 1. — С. 183–186.
3. Гончаров Г. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография. / Г. А. Гончаров, С. А. Баканов, Н. В. Гришина, А. А. Пасс, А. А. Фокин. — Челябинск: Энциклопедия, 2013. — 128 с.
4. Данилов В. Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. / В. Н. Данилов. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. — 400 с.
5. Земсков В. Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией / В. Н. Земсков // Международные отношения. — 2014. — № 1. — С. 104–114.

6. История советского рабочего класса : в 6 т. / гл. С. С. Хромов. — М. : Наука, 1984. — Т. 3 : Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны / под ред. А. В. Митрофановой. — 591 с.

7. Исупов В. А. Главный ресурс Победы : людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945) / В. А. Исупов. — Новосибирск : ИД «Сова», 2008. — 378 с.

8. Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны / Г. С. Кравченко. — 2-е изд. — М. : Экономика, 1970. — 392 с.

9. Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны / А. В. Митрофанова — М. : Наука, 1971. — 525 с.

10. Морехина Г. Г. Рабочий класс — фронту. Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / Г. Г. Морехина. — М. : Соцэкгиз, 1962. — 479 с.

11. Мухин М. Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны / М. Ю. Мухин. — М. : Вече, 2011. — 352 с.

12. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири / С. А. Папков. — М. : РОССПЭН, 2012. — 438 с.

13. Парамонов В. Н. Россия в 1941–1945 гг.: проблемы индустриального развития / В. Н. Парамонов — Самара : СамГМУ, 1999. — 560 с.

14. Сомов В. А. «Потому что была война...» : Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / В. А. Сомов. — Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2008. — 234 с.

15. Чадаев Я. А. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / Я. А. Чадаев. — 2-е изд. — М. : Мысль, 1985. — 492 с.

Информация об авторе

Романов Роман Евгеньевич — кандидат исторических наук, сектор истории социально-экономического развития, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: rromanov1981@mail.ru.

Author

Romanov Roman Evgenievich — PhD in history, Sector of History of Socio-Economic Development, Institute of History of SB RAS, 8, Nikolaev st., 630090, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: rromanov1981@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Романов Р. Е. Регулирование трудовой мобильности населения СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: нормы и реальность / Р. Е. Романов // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 2. — С. 271-296. — DOI : 10.17150/2308-2588.2015.16(2).271-296.

Reference to article

Romanov R. E. Regulation of the USSR population labor mobility on the eve and in the years of the Great Patriotic War: standards and reality. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 2, pp. 271-296. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(2).271-296. (In Russian).